

Представьте, что вы живете в Константинополе в середине XI в. и обучаетесь риторике и философии у блистательного интеллектуала Михаила Пселла. Как-то раз вы не смогли прийти на занятия, и он обратился к вам с увещанием.

Внимательно прочитайте его речь (пер. П. В. Безобразова) и попробуйте выступить со столь же риторически безупречным ответом учителю и оправдать свою задержку (2–4 тыс. знаков).

Рѣчь къ ученикамъ, не пришедшимъ въ школу по случаю дождя.

Развѣ вы ѣдите только лѣтомъ, а зимой воздерживаетесь отъ пищи? А для души наука служить пищею, отъ которой не слѣдуетъ воздерживаться или пользоваться ею, смотря по атмосферическимъ измѣненіямъ. Если вы желаете ставить ученіе въ зависимость отъ ви́шнихъ причинъ, вы никогда не достигнете мудрости, ибо всякое состояніе погоды имѣетъ въ себѣ что-нибудь дурное. Холодъ сгущаетъ тѣла, тепло ихъ расслабляетъ и отнимаетъ силу, сухость порождаетъ изнуреніе, сырость вызываетъ мокроту въ излишнемъ количествѣ; протекающія отсюда состоянія видоизмѣняютъ насъ. Пугаютъ громы, страшатъ молніи, а еще больше землетрясенія; видя побочныя солнца или радуги, мы считаемъ, что видимъ поразительныя творенія. Если вы изъ-за дождя отказываетесь заниматься наукою, вы можете быть будете уклоняться отъ ученія и изъ-за молніи или падающихъ звѣздъ или изъ-за какихъ-нибудь другихъ значительныхъ или ничтожныхъ физическихъ явленій. Не бываетъ времени, когда бы во вселенной не

происходило подобныхъ явленій. Изъ всего этого окажется, что вы не будете знать никакой философіи.

Но не такъ поступаютъ земледѣльцы или сражающіеся за отечество и ремесленники. Пробующій золото (*χρυσογνώμων*) вынужденъ во всякую погоду тереть золото о пробирный камень, и точно также во всякое время золотыхъ дѣлъ мастеръ очищаетъ огнемъ вещество и отдѣляетъ его отъ постороннихъ примѣсей; вообще всякій ремесленникъ работаетъ надъ своимъ матеріаломъ, не сообразуясь съ погодой, исключая тѣхъ случаевъ, когда сообразоваться съ погодой есть дѣло его ремесла, какъ напр. дѣлаетъ земледѣлецъ. Ибо въ такое-то время онъ сѣетъ, въ такое то сажаетъ отростки, теперь рубитъ лѣсъ, въ другой разъ подрѣзаетъ деревья.

Но не изъ соревнованія съ земледѣльцемъ вы манкируете, а потому что легкомысленно относитесь къ высшему знанію, поэтому вы пользуетесь всякимъ предлогомъ, чтобы лишить себя этого знанія. Вы настолько же интересуетесь наукою, какъ какимъ-нибудь происшествіемъ на площади.

Прежніе философы не довольствовались школами въ своемъ отечествѣ. Они отправлялись изъ Азіи въ Европу, Европейцы же перѣзжали на другой материкъ, поступая какъ мореплаватели, одинъ товаръ привозящіе съ собой къ тѣмъ, къ кому пріѣзжаютъ, другой нагружающіе на свой корабль и съ собою увозящіе; ихъ не удерживали ни волны морскія, ни буйные вѣтры, ни высокія горы, ни труднодоступныя вершины холмовъ; но всюду неслись они какъ вѣтеръ, не встрѣчая препятствій. Такъ какъ различныя виды музыки (разумѣй: наукъ) распредѣлены по разнымъ частямъ вселенной, они въ одномъ мѣстѣ посвящались въ таинства риторики, въ другомъ учились геометріи; желая научиться философіи отправлялись въ Египеть, собираясь заняться астрономіей доискивались земли Халдейской; чужая земля представлялась цѣниѣ своего отечества, своимъ и чужимъ они считали силу науки или ея безсиліе. Они уходили изъ отечества не только ради науки, но также, чтобы увидѣть таинственныя явленія природы въ Сициліи или Египтѣ, въ Сициліи, гдѣ огонь поднимается къ верху изъ подъ земли, въ Египтѣ, гдѣ Нилъ выступаетъ изъ береговъ и заливааетъ всю страну. Они меньше интересовались обыкновенными зрѣлищами и науками, больше стремились къ необыкновенному и таинственному; поэтому лучшіе изъ нихъ не заботясь о доказательствахъ всячески старались сдѣлаться самовидцами подлинныхъ явленій.

Тѣ, исходя изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, старались достичь пупа земли, вамъ же самый центръ Византіи представляется такимъ воздушнымъ пространствомъ, куда невозможно подняться. Поэтому вамъ мѣшаетъ холодъ, набѣжавшая туча и слишкомъ горячій лучъ солнца. Почему же вы не выставяете предлогомъ вашего манкированія камней, которые у васъ подъ ногами, приѣзжающіе верхомъ пѣшеходовъ, а пѣшеходы верховыхъ? вѣдь вы мѣшаете другъ другу, неудобно идти вмѣстѣ съ конными и ѣхать верхомъ среди пѣшеходовъ. Удивляюсь, какъ это летающіе надъ вашими головами воробьи не мѣшаютъ вамъ и не отвлекаютъ васъ отъ ученія, особенно же кузнечики, въ полдень оглашающіе воздухъ и плѣняющіе всякое ухо.

И какого дождя вы испугались? Когда начало лѣта, блескъ свѣтила уничтожаетъ унылую атмосферу, нигдѣ нѣтъ скопленія облаковъ, въ тотъ же часъ облачное небо становится безоблачнымъ, и намъ особенно пріятенъ дождь послѣ долгаго бездождія. Еслибы вы стояли вооруженные, развѣ переменна погоды сняла бы съ васъ вооруженіе? „Но это менѣе опасно, скажетъ кто-нибудь, ибо тутъ нѣтъ войны“. Войны конечно нѣтъ, о другъ, но за то совершенствованіе и возвышеніе души и приведеніе ея къ высшему благу. Я полагалъ бы, что вамъ слѣдовало бы приходить къ намъ даже проходя чрезъ огонь, но отъ меня не ускользаетъ, что вы мало заботитесь о моихъ лекціяхъ. А причиною этому то, что я готовъ отвѣчать на всякіе ваши вопросы, открылъ вамъ ворота всякаго искусства, всякой науки,—доступность ученія для васъ достаточна, чтобы его презирать. Если же я запру двери входящимъ, или не стану отвѣчать на вопросы, тогда наука сдѣлается для васъ желанной. Но я никакъ не стану подражать вашему образу мыслей и не буду сообразоваться съ вашимъ рвеніемъ и нерадѣніемъ, потокъ моей рѣчи будетъ течь все одинаково и въ изобиліи; тѣ же изъ васъ, которые не черпаютъ теперь, будутъ вѣчно жаждать, потому что можетъ быть будетъ недостатокъ въ водѣ. (Boiss. p. 135—139).